

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор

ЕВРАЗИЙСКИЙ ОТБОР

Историософская формула евразийства

*Русская эпоха всемирной истории
на пороге*

П. Н. Савицкий (1959)

Прошли времена, когда Запад мог без особых усилий удерживать Россию в модусе *бытия-для-другого*, используя нашу страну – этот *Континент-Океан* – в качестве своего инфантильного “союзника”, полигона для чудовищных социальных экспериментов или, на худой конец, “сырьевого придатка”. Стихают отголоски бессмысленных дискуссий о том, где наше будущее – на востоке или на западе. Отбросив марксистскую идеологию, как “соль, потерявшую силу”, открестившись от “легиона бесов” пошлейшего, мертвящего либерализма 1990-х годов, Россия приходит в себя, “сосредоточивается”, обретая то сознание своей неизбывной духовной мощи, выразителями которого без малого сто лет назад стали создатели “интегрального евразийства”. Возвращение к их “брошенному наследию”, о необходимости которого мы говорили ещё четверть века назад, стало в наши дни для вороватых “реформаторов” тревожным, многозначительным фактом.

Первым *неоевразийцем* в СССР стал Л. Н. Гумилёв, приобщившийся к идеологии “ортодоксального евразийства” в общении с одним из её создателей – П. Н. Савицким, считавшим его “самым близким себе человеком во всём мире”¹. Правда, сам Гумилёв называл себя “последним евразийцем”, видимо, полагая, что иных последователей запрещённой доктрины в условиях советской *идеократии* быть не может. А они были – как среди сотрудников ОГПУ/НКВД, работавших на развал евразийского движения и невольно проникшихся умонастроением *интегрального евразийства*, так и в среде советских интеллектуалов, получивших доступ к запятанному в спецхран белому архиву, что позволяло нам говорить о существовании “евразийского подполья в СССР”² и до Великой Отечественной войны, и в послевоенный период. Интересно, что декларируемая князем Н. С. Трубецким **противоположность евразийства марксизму** то и дело смазывалась с обеих сторон: “марксистские уклоны” обнаруживались в группе П. П. Сувчинского в Кламаре, а элементы “евразийского мировоззрения”, в том числе и установка на осуществление в СССР “идеократического правящего отбора”, проявлялись

¹ Савицкий П. Н. Избранное. М., 2010. С. 604.

² Водолагин А. В. Оливема. М., 2000. С. 156.

в политическом мышлении и практике русских марксистов. Осуждая П. П. Сувчинского (как и П. Н. Савицкий) за “апологетическое отношение к советской действительности”, Н. Н. Алексеев отмечал: “Вместо того чтобы превратить коммунистов в евразийцев (при крайнем предположении, что они смогут даже остаться коммунистами), кламарцы проделали противоположное движение – из евразийцев стали коммунистами, причем не ясно, что осталось у них от евразийства”¹.

Нужно сказать, что незадолго до начала Второй мировой войны Сталин своевременно отказался от дезориентирующей идеи “пролетарского интернационализма”, истребив заодно и её носителей – троцкистов, активно мешавших возвращению России–Евразии на путь имперского строительства, и начал работу по качественному обновлению властвующей элиты, нацеленную на вытеснение холуйствующей перед вождём партийной бюрократии (*проклятой касты*) слоем профессиональных управленцев. Реванш беспринципной партийной бюрократии после убийства Сталина в конечном счёте привёл к появлению таких отвратительных политических монстров, как Горбачёв и Ельцин, завершивших развал “империи Кремля”, начатый хрущевистами на XX съезде КПСС. Ставший свидетелем её стагнации и распада Гумилёв за год до своей смерти пророчески утверждал: “... Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство”². Именно он положил начало реализации евразийского наследия в 1970–1980-е годы – при скрытой поддержке *андроповцев* и вопреки явному сопротивлению идеологов “склеротического марксизма”. Важной вехой на этом пути стала публикация его фундаментального исследования “Древняя Русь и Великая Степь” (1989) в издательстве “Мысль”, директор которого (В. М. Водолагин) защитил автора от редакторского произвола и способствовал присуждению ему премии Госкомпечати за “лучшую книгу года”. Факт примечательный, свидетельствующий о том, что какая-то часть правящего слоя – *номенклатурного класса* – вполне осознанно обратилась в период горбачёвско-ельцинской Смуты к евразийской формуле русского самосознания. В то же время в условиях небывалого разгула самого банального *западничества*, олицетворением которого был в 1980–1990-е годы старый колумбийский крот А. Н. Яковлев, несколько исследователей независимо друг от друга приступили к рациональной реконструкции евразийской доктрины с учётом присущего ей мистицизма. Их статьи стали появляться в журналах “Знания – народу” и “Континент–Россия”, а также в газете “День”, которая издавалась при поддержке Генштаба и иных (весьма экзотических) спонсоров. В частности, в 1989 году вышла моя статья “Политический волюнтаризм в России”, в 1991-м в парижском издании “Мулета” опубликовали эссе “Евразийский проект”, а 22 августа того же года, когда сорвалась попытка введения спасительного для СССР чрезвычайного положения, в газете “День” появилась его расширенная версия – “Тени Великой Смуты”, вдохновившая одного свержчуткого к политической конъюнктуре режиссёра на открытое письмо ельцинскому премьеру Ивану Силаеву с предложением пересмотреть стратегию развития страны в духе евразийства. Естественно, ельцинисты игнорировали такого рода идеи. Зато один из помощников Нурсултана Назарбаева, близкий к редакции газеты “День”, подготовил соответствующее предложение, и в марте 1994 года руководитель Казахстана выступил с инициативой создания на “постсоветском пространстве” Евразийского Союза, продемонстрировав, таким образом, на деле свою приверженность *политике большого стиля*.

Между тем, стимулируемые изнутри и извне процессы дезинтеграции поставили под вопрос существование Российской Федерации как переходной формы на пути России–Евразии к обретению *собственного бытия* и адекватной её исторической сущности “авторитарно-демократической” государственности. Пришедшая вместе с Ельциным к власти группа “либералов” инициировала процесс тотальной криминализации общества, положила начало разграблению национальных богатств страны, созданных усилиями нескольких поколений российско-евразийского суперэтноса (= *советского народа*). Ущерб, нанесённый стране горбачёвцами и ельцинистами, сопоставим с потерями СССР во Второй мировой войне. Скажем прямо, именно Горбачёв и Ельцин активно способствовали реализации сформулированного в “застольных беседах” Гит-

¹ Цит. по кн.: Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. М., 2008. С. 306.

² Начала. 1992, № 4. С. 16.

лера (1942) подрывного проекта Запада, предполагавшего демонтаж сталинской империи, захват её природных ресурсов, уничтожение значительной части населения и превращение оставшейся массы в тупое, послушное стадо. Парализованный брежневской геронтократией Центральный Комитет КПСС не смог противостоять идиотским инициативам этих двух умников, одержимых “манией великих реформ”, и Россия снова оказалась *во мгле* (интересно, что именно член Политбюро евразийского движения Н. С. Трубецкой подготовил предисловие к книге Г. Уэллса “Россия во мгле”, написанной под впечатлением от поездки в Советскую Россию и общения с “кремлёвским мечтателем” В. И. Лениным).

В романе “Ворох, или играющий с огнём” (2004)¹ описан один февральский эпизод 1997 года, когда в условиях обострившейся борьбы за власть между “наследниками” Ельцина – Б. Е. Немцовым и В. С. Черномырдиным – группа “евразийцев”, включавшая в свой состав сотрудников бывших советских спецслужб, принимает решение о проведении своего человека в Кремль – почти никому неизвестного в то время Владимира Путина, которому тогда, по его собственному признанию, и “в страшном сне не снилось” обладание президентской властью, тем более – властью евразийски ориентированной: ведь он, как и его друзья – питерские “либералы” – был закорененным “западником”. Тем не менее, в 2011 году ему всё-таки пришлось стать “евразийцем” и подчиниться логике своей судьбы. Возможно, сигналом к радикальному изменению внешнеполитического курса Путина стала организованная Западом досудебная расправа с М. Каддафи – вскоре после того, как президент Д. А. Медведев, натянув курточку верховного главнокомандующего, грозно объявил лидера ливийской революции “персоной нон грата” в России (политическое действие, сопоставимое с горбачёвским предательством Э. Хонеккера). Путин, несмотря на зловещие комментарии ополумевшего от ненависти к России сенатора Маккейна, отреагировал на события в Ливии иначе. Шокировавший американцев крутой **поворот** в его политическом мышлении и действовании положил конец одной из самых постыдных эпох в историческом существовании России и означал обретение утраченной ею четверть века назад *субъектности*. Спасение Сирии от бомбовых ударов США и НАТО в 2013 году означало, что Россия самовольно вышла из-под внешнего управления. Это чудо – к ужасу либералов и глобалистов, для которых Россия – не более чем территория, – произошло на наших глазах: личный интерес правителя наконец-то совпал с “государственным интересом”, на что мы в условиях тотальной коррупции и олигархического беспредела последних двадцати лет уже и не надеялись. Заработал фактор политической воли, которой якобы до этого кому-то не хватало (а на деле она просто отсутствовала). Воля лица, осознавшего свою духовно-историческую миссию и следующего зову судьбы вопреки давлению реальности, полагает начало новому порядку вещей, ибо таит в себе колоссальную творческую мощь, являясь выражением непререкаемой “абсолютной воли”, что очень хорошо чувствуют созревшие для “основательного исторического действия” массы.

В условиях возрастающего политического, экономического и информационно-психологического давления Запада на Россию, заинтересованную в ускорении процессов евразийской интеграции, субъекту власти пора решиться на окончательный разрыв с наследием ельцинизма, уничтожить олигархат как класс-паразит, провести национализацию захваченных “приватизаторами” отраслей промышленности, осуществить “евразийский отбор” правящего слоя, полностью очистив его от либералов-западников и “просто воров”. Основным ориентир на этом пути – не случайный набор каких-то “общечеловеческих ценностей” (= “неизжитое западничество самого худшего рода”), а тот *духовно-эмпирический образ России*, который был сформирован за последние тысячелетие её исторического бытия нашими *лучшими людьми* – пневматиками-нестяжателями, к которым, безусловно, можно отнести и теоретиков аутентичного евразийства: Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексева и Л. Н. Гумилёва.

При этом важно дистанцироваться от двух форм “компрометации евразийских идей”: *левого псевдоевразийства*, которое с недавних пор стала исповедовать часть бывшей партукратии, оппортунистически приспособившаяся

¹ Водолагин А. В. Ворох, или играющий с огнем. М., 2004, 2010.

к выживанию в условиях олигархического капитализма, и от *правого псевдоевразийства*, смешанного с элементами политической мифологии национал-социализма и крайне активно навязываемого Кремлю нынешними поклонниками Гиммлера и Хаусхофера¹. В последнем случае мы имеем дело с тем, что Н. С. Трубецкой называл “надругательством над евразийской идеей” или “непрошенными ласками справа” — тем более отвратительными, что Трубецкого, по словам П. Н. Савицкого, “прикончили гитлеровцы”, сам же Савицкий был арестован в Чехословакии гестапо и подвергнут репрессиям со стороны оккупантов. Заметим, между прочим, что новоявленные **псевдоевразийцы** не потрудились освоить основы компрометируемой ими доктрины с её “преимущественным напором на историософию”² и, вынося на первый план проблематику геополитики, как правило, не замечают главного — её метафизического ядра, которое, как было показано ещё двадцать лет назад в работе “Метафизическая ось евразийства” (1994)³, состоит в понимании России-Евразии как “коллективной исторической индивидуальности”, или “симфонической личности”, рассматриваемой в единстве всех аспектов её исторического бытия: пространственно-материального (территория, население), временного (традиция и судьба), деятельностно-волевого (*общее дело*, выражающее “конденсацию волевой стихии” нации) и идеократического (идея-правительница, на основе которой осуществляется отбор правящего слоя). Именно в области историософии евразийцам удалось достичь “полного единомыслия”, тогда как в сфере политического проектирования таковое оказалось недостижимым.

Заметим, кстати, что даже в историософских построениях русских гегельянцев Россия предстаёт в образе только лишь исторической *субстанции*, как лишённая “заострённой субъективности” безликая *океанида*. Нивелирующее “личное начало” натуралистическое понимание истории, выработанное А. И. Герценом, было усвоено и Львом Толстым, видевшим в личности не более чем каплю “жидкого колеблющегося шара” мировой жизни, а позднее — и гениальным русским космистом А. Л. Чижевским. Сохранив субстанциалистское определение России как “Континента-Океана”, евразийцы в своей историософии сделали акцент на её субъектности в учении о *ведущем слое* и его “идеократическом отборе”. Таким образом, в своем философско-историческом мышлении они были ближе к гегельянам-западникам, чем к славянофилам, и сами не раз говорили о “призрачности связи евразийства со славянофильством”. В самом деле, сегодня из всех “братьев-славян” на стороне России в противостоянии с Западом психологически остались только сербы, так что все панславянские проекты давно выдохлись, евразийский же проект актуален как никогда.

В свете защищаемой нами базовой историософской концепции евразийцев первой волны Россия впервые в истории собственного самосознания предстала в качестве *субстанции-субъекта* и мыслилась как организуемое *ведущим слоем* континентальное жизненное пространство чрезвычайно сложного по своему составу *суперэтнуса*, вовлечённого в осуществление грандиозной духовно-космической миссии, в *общее дело* строительства *государства правды, империи Духа, универсальной ноосферной цивилизации*. Очевидно, в этой “евразийской идее” нет ничего узконационального, собственно “русского” (кроме её происхождения). Она универсальна, как и любая настоящая идея (= *универсалия*, или *духовная доминанта*, по Л. Н. Гумилёву)⁴, и только в этой своей универсальности способна воодушевлять российско-евразийский суперэтнос, ставший транснациональным субъектом мировой истории, на подлинно миротворческие *свершения*, включая и обуздание разжигаемого глобалистами-*люциферианцами* планетарного хаоса — нового мирового беспорядка (третьей — и последней в уходящем *Тёмном веке* — мировой войны).

Реализации “евразийской идеи” противодействует окончательно потерявшая лицо властвующая элита Запада (*гоминтерн*, по терминологии Г. П. Кли-

¹ Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. СПб, 2006.

² Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. С. 196. Одна из последних попыток беспристрастной реконструкции евразийской доктрины — в кн.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. М., 2004.

³ Водолагин А. В., Данилов С. И. Метафизическая ось евразийства. Тверь, 1994.

⁴ Водолагин А. В. Собирание духа. Пути и беспутство русской мысли. Саарбрюкен, 2013. С. 143–150.

мова), толкающая человечество на путь самоуничтожения, коллективного самоубийства, избравшая в последнее время для реализации своего нигилистического сценария Америку – эту социальную эфемериду, пасущую заблудшие народы Земли жезлом железным, соблазняющую предавшие их “национальные правительства” приманками губительного сверхпотребления и своего (будто бы гарантирующего безопасность) сверхмогущества. “Ведь всё же нельзя забывать того, что пока что Америка является самым типичным представителем всех отрицательных сторон романо-германской цивилизации, – напоминал Трубецкой в письме П. Н. Савицкому 30 декабря 1923 года. – В Европе такой же страной является Германия, но характерно, что когда хотят выразить это свойство новой Германии... , то говорят, что она “американизовалась”. Сейчас Америка хуже Европы, ибо в Европе есть хотя бы воспоминания Средневековья. Ваши надежды на то, что Америка преодолет воинствующий экономизм, мне представляются мало основательными...”¹ Трубецкой упрекал Савицкого в “чрезмерном расшаркивании перед американцами и даже перед “англосаксонской расой вообще”. Поразительно, что ещё 90 лет назад он говорил в эмиграции об американизации России как “грозной национальной опасности”. Последняя стала, как никогда, реальной в годы правления Ельцина, когда центр принятия политических решений относительно будущего России переместился из Москвы в Вашингтон, а кандидатуры на пост российского президента согласовывались в Лондоне. Более того, в подтверждение самых худших предположений и прогнозов евразийцев англосаксонская раса – “раса, откровенно говоря, прескверная и вреднейшая”² – сформировала в России некое подобие колониальной администрации, члены которой, переместив свои семьи и капиталы в Лондон или в США, всё ещё продолжают начатое два десятилетия назад разграбление страны, вполне осознанно следуя при этом “идеологии *россиепродавства*” (Трубецкой Н. С.). Острота переживаемого нами момента состоит в том, что Россия снова оказалась накануне “менеджеральной революции”, подобной петровской или сталинской. Если субъект власти не решится на проведение очистительной кадровой “революции сверху” в 2015 году, антиолигархическая “революция снизу” может начаться уже в 2018 году.

¹ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому. С. 72.

² Там же.